

Ощущения температуры были субъективны: Цзян Жань чувствовала прохладу, а Ци Лянь — жар. Чем дольше её пальцы касались лица Цзян Жань, тем сильнее казалось, будто пламя пробегает от кончиков по всему телу, достигает горла и вызывает всё большую жажду.

Она надолго задержала руку на подбородке Цзян Жань, бессознательно поглаживая его. Силы она не прилагала, но от этого лёгкого касания Цзян Жань будто что-то сковывало, всё тело становилось ватным.

Никто из них не проронил ни слова, не пошевелился, чтобы изменить эту, казалось бы, нескромную позу. Лунный свет струился в комнату, и в его бирюзовом сиянии что-то зыбкое начало подниматься.

Что-то, похожее то ли на дождь, то ли на туман, обволакивало их со всех сторон. Возможно, оно было из сахара — воздух наполнился сладковатым ароматом. Но, возможно, и из полыни — потому что не только Цзян Жань, уже осознавшая свои чувства, но и ещё не до конца понимающая себя Ци Лянь почувствовали в глубине души горечь.

Горечь Цзян Жань происходила от недоступности Ци Лянь. Горечь Ци Лянь — от её предначертанной судьбы.

Одна чувствовала, что у неё нет будущего. Другая влюбилась в ту, кто будущего для себя не видел.

Обе были неглупы. Если Цзян Жань осознала свои чувства, то и Ци Лянь вскоре должна была понять. Она просто была чуть медлительнее и только сейчас по-настоящему разглядела, что творится в её сердце.

А может, именно из-за сегодняшнего прикосновения эти чувства и родились?

Кто разберёт, когда дело касается сердца?

Не в силах разобраться, Ци Лянь испугалась этого незнакомого ощущения и резко отдернула руку.

Цзян Жань повернулась к ней, лёжа на боку.

— Всё? — спросила она.

Недалеко в темноте Ци Лянь кивнула. Ночью она казалась ещё более хрупкой, тихо сидящей у изголовья, словно тонкий бамбук в лесу — изящная и прекрасная.

— Теперь ты знаешь, как я выгляжу? — в темноте глаза Цзян Жань горели удивительно ярко.

Ци Лянь снова кивнула, но затем покачала головой, честно признавшись:

— В общих чертах, да.

Чёткого образа она представить не могла, но для неё и этого было достаточно.

Ци Лянь даже пожалела, что сегодня сделала неверный шаг.

Не потому, что Цзян Жань была некрасива. А потому, что она чувствовала: вместе с этим прикосновением наружу вырвалось нечто, что лучше было держать взаперти.

Цзян Жань смотрела на неё, не в силах остановить трепет в сердце. Это чувство было ужасным, настолько, что оно подтолкнуло её к рискованной проверке.

— Ты и вправду всё поняла? — спросила она. — Ты не потрогала одно место.

Её слова заставили Ци Лянь снова вцепиться в край простыни.

— П-правда?

Конечно, она знала, о чём речь. Это были губы Цзян Жань. Она намеренно избежала их.

И поэтому в её мысленной картине действительно не хватало одного фрагмента.

Цзян Жань заметила нервозность Ци Лянь и её желание уклониться. Её глаза загорелись ещё ярче, как утренняя звезда на предрассветном небе.

— Ты боишься? Ци Лянь, чего ты боишься?

Если бы Ци Лянь спокойно коснулась её губ, она бы не придала этому значения. Но теперь Ци Лянь избегала этого и выглядела напряжённой.

Чего она боится? Разве она не понимает, что это лишь даёт пищу для догадок?

Цзян Жань смотрела на неё, и в её взгляде читалось ожидание.

Ресницы Ци Лянь дрогнули, голос прозвучал нарочито холодно:

— Я не боюсь.

Она нервно отвернулась, и сердце Цзян Жань снова болезненно сжалось.

Взгляд Цзян Жань не отрывался от неё, жгучий, почти осязаемый. Ци Лянь, чувствуя его, пылала всё сильнее и, наконец, не выдержав, натянула одеяло и, словно рыба, скользнула под него, повернувшись спиной.

— Уже поздно, — пробормотала она. — Ты же сама сказала: потрогаю — и будем спать. Давай спать.

— Спать?

Цзян Жань смотрела на ту, что так ловко укрылась. Её серо-карие глаза стали глубокими, как ночь, и при этом ярко горели.

Ци Лянь решительно кивнула, не поворачиваясь:

— Да. Спать.

Она крепко закуталась в одеяло, которое они делили на двоих, и, потянув его на себя, оставила Цзян Жань без большей части покрывала.

Обнажённая нога Цзян Жань непроизвольно согнулась, затем выпрямилась, выдавая её внутреннее смятение.

Она полежала немного, а затем тихо позвала:

— Эй, Ци Лянь.

Ци Лянь не ответила, притворяясь спящей.

Но Цзян Жань знала: та не могла уснуть так быстро. Она дёрнула одеяло на себя.

— Ты точно не хочешь потрогать? После сегодняшней ночи я, возможно, больше никогда не позволю.

Её слова были и намёком, и проверкой.

Ци Лянь не ответила, лишь сильнее зажмурилась, отвернувшись.

Какая же ты трусиха.

Не дождавшись ответа, Цзян Жань почувствовала во рту горечь. Но она решила получить ответ сегодня же и потому внезапно придвинулась, положив ладонь на плечо Ци Лянь.

Та вздрогнула и инстинктивно обернулась. Цзян Жань, нависшая над ней, в лунном свете точно поймала её за подбородок.

— Вообще-то, я не очень хочу, чтобы ты трогала меня руками, — скользя взглядом, проговорила она и, увидев мелькнувшую на лице Ци Лянь печаль, почувствовала уверенность. Она крепко сжала её подбородок и, не раздумывая, приблизилась. — Но я хочу, чтобы ты прикоснулась. Угадай, чем?

Ответа уже не требовалось. Сказав это, Цзян Жань наклонилась и прижалась губами к губам Ци Лянь.

Аромат апельсина заполнил пространство, а вместе с ним пришла ослепительная мягкость. Ци Лянь, оказавшаяся под Цзян Жань, широко открыла глаза.

Время будто остановилось.

Губы девушки были мягкими, как лепестки только что распустившегося цветка. Они прижались к её губам, и Ци Лянь вспомнила клубничный пудинг, который Цзян Жань как-то подала ей на подносе. Пудинг был нежным, упругим, сладким на вкус — его хотелось есть снова и снова.

Так же, как и сейчас, хотелось вкушать бесконечно...

Они долго оставались в этом неловком положении, обе были неискущённы в чувствах и не знали, что поцелуй может быть разным. Они выбрали самый простой способ, но даже этот неуклюжий контакт принёс им невероятное удовлетворение. Губы Цзян Жань пылали, отчего и губы Ци Лянь постепенно нагрелись. Цзян Жань упрямо целовала её, вцепившись пальцами в её плечи, всем телом прижимаясь к ней, но Ци Лянь не чувствовала тяжести.

Напротив, женщина на ней казалась слишком лёгкой.

Лёгкой, как цветок, который можно раздавить одним неосторожным движением.

Лёгкой, как шёлк, который может унести малейший ветерок.

Это было опасно. Ци Лянь знала, что должна оттолкнуть Цзян Жань, но не могла решиться.

Она жаждала сладости её губ и боялась её ухода.

Но как это могло произойти? Как она могла позволить себе это?

Нельзя. Нет, нельзя!

Словно очнувшись ото сна, Ци Лянь положила руку на тонкую талию Цзян Жань, чтобы оттолкнуть её. Их силы были неравны, и, решившись на это, она почти не встретила сопротивления. Цзян Жань вскрикнула от боли в пояснице и, вместо того чтобы отстраниться, обвила руками шею Ци Лянь, сжала так крепко, что та тоже почувствовала боль.

Что болело сильнее — тело или сердце? Ответ был очевиден. Ци Лянь, которую обнимали и держали так крепко, всё ещё пыталась оттолкнуть её.

Сердце разрывалось на части.

— Не надо...

Почувствовав её решимость, Цзян Жань мельком увидела боль в её глазах. Она вся прижалась к Ци Лянь, крепко обвив её шею, щека к щеке, и её собственное сердце тоже разрывалось.

<http://bllate.org/book/15936/1424511>